

I. АССИРО-ВАВИЛОНСКАЯ РЕЛИГИЯ ¹⁾.

4.

Религия жителей бассейна Тигра и Евфрата носит имя ассиро-вавилонской; справедливѣе ее было бы назвать вавилонско-ассирийской. Древневавилонская монархія и господство ея религии гораздо древнѣе ассирийскаго. Торжество Ассирии было сравнительно позднимъ и недолгимъ (главнымъ образомъ VIII в. до Р. X.). Въ эту эпоху выступаютъ и заявляютъ о себѣ міру и особенности ассирийской религии. Но съ паденіемъ Ассирии погибаетъ и ея богъ Асуръ и все, что въ ихъ религіозныхъ представленіяхъ и дѣйствіяхъ было особеннаго сравнительно съ вавилонянами. И ассирияне и вавилоняне несомнѣнно имѣютъ общее происхожденіе, — языкъ ассириянъ разсматривается, какъ нарѣчіе незначительно отличавшееся отъ вавилонскаго. Пантеонъ вавилонянъ, оказывается, почитался и въ Ассирии, но кромѣ вавилонскихъ боговъ Ассирія имѣла своего, котораго считала высочайшимъ—Асура и въ отношенія къ богамъ, которые почитались вавилонянами, сравнительно съ послѣдними вносила нѣкоторыя особенности. Очень можетъ быть, что имя Асуръ происходитъ отъ Ansar—названіе творческаго начала въ вавилонской исторіи творенія,—отъ котораго произошло высшая триада боговъ (Тиле). Въ еврейскомъ и ассирийскомъ языкахъ корень а—sh—r означаетъ — быть милостивымъ, благословеннымъ, оказывать счастье, это сблизжаютъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что имя Асуръ иногда писалось идеографически, какъ „добрый богъ“, но это звуковое сблизженіе.

¹⁾ Продолженіе. См. Богосл. Вѣстн., Октябрь, стр. 189—220.

а не историческое. Название города Асура, который был древнѣйшей столицей Ассиріи, надо полагать, произошло отъ имени бога, затѣмъ, когда территория ассирійцевъ расширялась, они все, что оказывалось въ ихъ власти, называли Ассирією, т. е. областью бога Асура. Городъ Асуръ былъ забытъ, столицами Ассиріи становились Нина (Ниневія), Калху (Келлахъ), Дуръ-Саррукинъ, но богъ Асуръ во всѣхъ столицахъ почитался неизмѣнно. Замѣчательно, что нѣтъ древнихъ изображеній Асура. Позднѣйшее его эмблематическое изображеніе (полагаютъ, заимствованное отъ изображенія египетскаго солнечнаго диска, и въ свою очередь, несомнѣнно послужившее моделью для персидскаго Агура-Мазды) таково: богъ съ натянутымъ лукомъ или съ вытянутой стрѣлой, съ обѣихъ сторонъ у него крылья, снизу птичій хвостъ. Въ Асуръ не было элементовъ солнечнаго бога или бога природы. Онъ называется отцомъ и царемъ боговъ. Объ Ану въ одной надписи Асурбанипала говорится, что онъ получилъ жизнь отъ Асура, но прежде всего онъ отецъ и покровитель ассирійскаго народа—Бель Ассиріи и, какъ таковой, управляетъ Ассирією съ своей супругой Белитъ. Онъ ревнуетъ за Ассирію, враги ассиріи — его враги. Вотъ почему войны войнoлюбивыхъ ассирійцевъ были въ ихъ глазахъ дѣломъ весьма богоугоднымъ, безчеловѣчная жестокость на войнѣ принимала у нихъ характеръ религіознаго подвига, такъ какъ эта жестокость карала тѣхъ, кто не признаетъ и не почитаетъ Асура. Почитаніе Асура не было связано преимущественно съ какимъ либо пунктомъ Ассиріи, какъ Мардука въ Вавилоніи. На войнѣ и на охотѣ главныхъ любимыхъ занятіяхъ ассирійцевъ несли передъ войскомъ или передъ царемъ изображеніе Асура на знамени. Въ ассирійскихъ спискахъ боговъ Асуръ неизмѣнно ставился выше всего, и о его отцѣ или матери нигдѣ нѣтъ рѣчи. Точно также о немъ неизвѣстно никакого мѣта. Онъ называется повелителемъ всѣхъ боговъ, построившимъ небо Ану и основанія земли, называется „творцомъ самого себя“. (на знаменательность этого имени обратили вниманіе: подобное названіе усвоится еще Синъ, но тамъ оно содержитъ лишь то указаніе, что богъ луны самъ есть причина фазъ луны) Ассирійскіе цари трактовали себя обыкновенно, какъ намѣстниковъ (патеци) на землѣ бога Асура.

Особенное значеніе имѣлъ въ Ассиріи богъ Рамманъ (имя значить гремящій, жгучій), на него здѣсь были перенесены нѣкоторыя черты арамейскаго бога Барку или Бирку (богъ молніи). Онъ является богомъ вѣтра, бури, дождя, грома и молніи. Въ надписяхъ онъ призывается преимущественно, какъ свидѣтель проклятій. Отчасти по своимъ свойствамъ онъ богъ наводящій ужасъ, отчасти богъ благословеній, такъ какъ отъ него зависитъ плодородіе, и его супруга Сала мыслилась здѣсь, какъ нѣкоторое земное производящее божество, богиня-мать. Ассирійскіе жрецы стремились поднять и возвысить въ Ассиріи Культъ Небо. Небо былъ богомъ оракуловъ (nabû—nabî) и богомъ откровенія (ilu tasmêti), а оракулы и откровенія обыкновенно монополизировались жрецами. Небо почитался въ Борсиппѣ, но жрецы, заботясь о своемъ возвышеніи, стремились распространить его культъ и вмѣстѣ ограничить и даже совсѣмъ уничтожить другіе культы. Они задались смѣлою мыслью сдѣлать Небо единымъ богомъ Ассиріи. Это произошло около 807 г. предъ Р. X. въ правленіе Рамманирари III, когда направленіе дѣламъ при дворѣ давала (повидимому его мать, по рожденію вавилонская принцесса) царица Саммурамахъ. Въ Калахѣ былъ построенъ роскошный храмъ Небо, и штатгальтеръ Калаха поставилъ вмѣстѣ съ другими въ честь царя и царицы, патрономъ которыхъ былъ Небо, восемь статуй этого бога съ надписью, что нужно надѣяться только на Небо и не нужно надѣяться ни на какого другого бога (буквально надпись приведена нами выше). Цѣль намѣченная ассирійскими жрецами не была достигнута, какъ не была достигнута цѣль совершенно подобной релігіозной реформы предпринятой только не жрецами, а противъ жрецовъ въ Египтѣ. Цѣли ассирійскихъ жрецовъ сдумѣли достигнуть жрецы Индіи (брамины). Богиня Истаръ представлялась въ Ассиріи, какъ дочь Асура. Богиня Ниневіи Нина въ надписяхъ Гудеи (Ниневія очень древній городъ) представляется тождественной съ Истаръ. Въ послѣдствіи Истаръ особенно почиталась въ Кидмуру, Ниневіи и Арбелѣ. Въ ниневійскихъ и арбельскихъ представленіяхъ ея были повидимому различія. Но вообще въ Ассиріи Истаръ, не переставая быть богиней утренней звѣзды, является богиней войны и охоты. Одна ассирійская молитва представляетъ ее облеченною въ

одежду изъ пламени. Она давала ассирійскимъ царямъ и войскамъ драгоценныя указанія относительно сраженій, и пари воздвигали ей памятники и надписи, въ которыхъ называли ее перворожденною неба и земли, богинею совершеннаго мужества, женою, которая любитъ царя и его священство и т. д. Системы боговъ повидимому не знала ассирійская религія. Ассирійскіе цари признавали всѣхъ боговъ вавилонскаго пантеона и всѣ ихъ культы, но при опредѣленіи взаимоотношенія этихъ боговъ обнаруживается нѣчто странное. Истаръ на одной изъ надписей Асурбанинала называется дочерью Асура и затѣмъ дочерью каждаго изъ боговъ первой вавилонской триады. Переименовываются имена Ану, Бела, Ансу и Мардука. Эти имена являются для пишущаго только, какъ бы словесными титулами, которыми онъ хочетъ назвать высочайшаго. Белъ, Мардукъ для него не numina, а только nomina.

Можно указать еще нѣсколько божествъ, которыя получаютъ нѣсколько иной видъ въ Ассиріи, чѣмъ въ Вавилоніи. Таковъ Дагонъ: онъ является въ надписяхъ то богомъ земледѣлія, то богомъ земли, то богомъ, въ честь котораго Асурназирбаль называетъ ворота своихъ дворцовъ его призываютъ вмѣстѣ съ Ану. Дибарра (предположительное чтеніе)—демонъ чумы—въ ассирійскихъ представленіяхъ иногда пріобрѣтаетъ всѣ функціи бога Нергаль. Можетъ быть, впрочемъ, послѣдующія изысканія сгладятъ еще и нѣкоторыя изъ установленныхъ нынѣ различій между нѣкоторыми ассирійскими и вавилонскими божествами. Вавилоняне, вѣдь, какъ мы видѣли, не стѣснялись приписывать своимъ божествамъ противорѣчивыя черты. Нѣкоторыя второстепенныя ассирійскія божества—не говоримъ объ Асурѣ—не упоминаются въ вавилонскихъ надписяхъ (Каді, Шанитка?), нѣкоторыя въ хронологической послѣдовательности сначала являются въ Ассиріи, а затѣмъ въ Вавилоніи. Вмѣстѣ съ паденіемъ Ассиріи исчезли въ ассиро-вавилонской религіи всѣ специально ассирійскія особенности.

5.

Представленія ассиро-вавилонянъ о взаимоотношеніи боговъ и людей выразились въ ихъ повѣствованіяхъ о теогоніи, космогоніи и исторіи первыхъ временъ міра. Существу-

ютъ различныя несогласованныя между собою—версіи этихъ повѣствованій, въ которыхъ замѣтно выступаютъ то вавилонскія, то ассирійскія тенденціи. Въ общихъ чертахъ теогоническій космогоническій и перво-историческій процессъ представляются въ ассиро-вавилонской религіи въ слѣдующемъ видѣ.

Въ началѣ не было ни неба, ни земли. Существовали Апсу (океанъ) и муммутіамать (бездна). — Отъ нихъ произошли Лукму и Лакаму, которые въ свою очередь произвели Ансгара (ср. ассирійскаго Асура) и Кисару. Отъ этихъ родились Ану, Енлилъ (Бель) и Еа. Эти боги удвоились, и у нихъ явились супруги, съ которыми они и продолжали процессъ размноженія, въ результатъ котораго и появился весь пантеонъ боговъ Ану и Анату рождаютъ Изу, Истаръ и Раммана Бель и Белтисъ имѣють дѣтей Сина, Белить Рабиту, Адарали Сандана, Рабтума, Нергалия и Ласа. Еа и Дамкина производятъ Мардука и Царпанить. Синъ и Белить рождаютъ Шамаса. Мардукъ и Царпанить—Небо и Тасмиту. Отъ нихъ происходятъ легіоны низшихъ боговъ, геніевъ, духовъ. Появлявшіеся боги все болѣе и болѣе ограничивали область владѣнія Тіамать. Видя это, Тіамать рѣшилась вступитъ съ богами въ борьбу. Она стала тогда творить новый рядъ созданій —ужасныхъ чудовищъ: быковъ съ человѣческими головами, лошадей съ собачьими мордами, собакъ съ рыбьими хвостами. Тіамать дала своимъ созданіямъ страшное оружіе, подчинила ихъ начальству Кингу, своего супруга, и послала на борьбу съ богами. Кингу и одиннадцать чудовищъ, которыми онъ управляетъ, имѣють близкое отношеніе къ знакамъ зодіака. Великіе боги отказались вступить въ борьбу съ Тіамать (въ ассирійскихъ текстахъ вообще представляется, что боговъ посылаетъ Асуръ) Мардукъ соглашается бороться съ Тіамать. За это ему дается верховенство надъ богами (вавилонская тенденція). Создавъ себѣ страшную армію (вѣтры, духи), вооружась страшнымъ оружіемъ (молніи, громовой топоръ), Мардукъ напалъ на Тіамать, убилъ ее, захватилъ въ плѣнъ Кингу, разбилъ его армію. Затѣмъ изъ трупа Тіамать Мардукъ создалъ вселенную. Онъ разрубилъ ея трупъ на двое, вверху онъ распростеръ одну половину, которая стала небомъ, внизу другую, которая стала землею. Земля представ-

лялась въ Халдеѣ въ видѣ опрокинутой къверху дномъ лодки, но лодки непродговатой, какія существуютъ у насъ, а круглой, какія и теперь употребляются на Евфратѣ. Верхняя поверхность ея представляетъ собою собственно то, что мы называемъ землею (Ki). Обитаемая земля (ki-a) называется еще калама — собраніе странъ. Внутренняя пустота земли (внутренность лодки) есть земная бездна (ge), которую управляютъ геніи земли, тамъ былъ помѣщенъ адъ или жилище мертвыхъ (курну-де-араллю). Центральный пунктъ ея есть надиръ. Въ этой области солнце теперь совершаетъ свои ночныя путешествія сквозь мрачную страну тѣней. Надъ землею находится небесный сводъ, на которомъ утверждены неподвижныя звѣзды, этотъ сводъ вращается вокругъ сѣверо-восточной горы (непосредственное наблюдение: всѣ небесныя свѣтила ежедневно обращаются вокругъ полярной звѣзды, находящейся въ сѣверо-восточной части неба отъ Месопотаміи) Корсакъ курра. Небесный куполь былъ утверждён Мардукомъ на землѣ (позднѣе халдейская астрономія возвысилась до представленія сферическаго неба), на востокъ и на западъ въ немъ были устроены ворота (для восхода и захода солнца). Океанъ окружалъ землю. Зенитъ міра былъ надъ землею аккадской (это — центръ земли), по ось міра была, какъ сказано, къ сѣверо-востоку отъ нея. Отъ Карсакъ Курра земля семью концентрическими уступами или этажами спускалась къ океану. Мардукъ опредѣлилъ четыре кардинальныя точки свѣта (страны), установилъ движеніе вселенной, установилъ годъ, засвѣтилъ луну, повелѣлъ ей въ началѣ мѣсяца свѣтить вечеромъ, показывая рога диска (буквально: царскую шапочку украшенную рогами), въ половинѣ мѣсяца быть полною и т. д. Четыре планеты онъ поручилъ четверемъ богамъ, себѣ оставивъ Юпитеръ. Когда было устроено небо, нужно было населить землю. Въ этомъ дѣлѣ приняли участіе и другіе боги. Но первые опыты творенія были неудачны. Новосозданныя твари не могли выносить ни свѣта, ни воздуха. Тогда Бель разрубилъ себѣ голову, его божественная кровь была примѣшана къ материалу творенія и сообщила тогда созданнымъ животнымъ и людямъ способность сопротивляться дѣйствию стихій. Люди сначала жили въ дикомъ состояніи. Богъ Ea научилъ ихъ религіи и культурѣ (см. выше). Тогда настѣхили для нихъ

долгий періодъ благополучной жизни. По Берозу въ этотъ періодъ міра въ Вавилонѣ царствовали Алорось (10 саръ, сарось—3600 годамъ, неръ 600 годамъ, соссъ—60 годамъ), Алапарось (8 сара), Амиларось (13 саръ), Амменонъ (12 саръ), Амелагорось (18 саръ), Давось (10 саръ), Еведоранхось (18 саръ), Амемпенность (10 саръ), Обартъ (8 саръ), Кеизустрость. При нѣкоторыхъ изъ этихъ царей, все равно какъ и предъ началомъ культурной жизни изъ Эритрейскаго моря выходили божественныя существа, наставлявшія людей подробно въ томъ, въ чемъ Еа наставлялъ ихъ кратко. При Кеизустрость произошелъ всемірный потопъ. Въ клинообразныхъ надписяхъ онъ называется Газизадрай и Самась Наппетимомъ. Еа предупредилъ его, что боги наведутъ на людей за то, что они развратились, всемірный потопъ, и наставлялъ его, какъ онъ можетъ спастись отъ потопа съ своею семьей въ ковчегъ. Самась Наппетимъ жилъ въ Суришакъ, городъ у Персидскаго залива, онъ выстроилъ здѣсь ковчегъ, нагрузилъ его припасами, вошелъ въ него съ семьей и слугами. Волны потопа понесли ковчегъ къ сѣверу, гдѣ его задержала гора Ницирь. Чтобы узнать, сталъ ли сбывать потопъ Самась-Наппетимъ высылалъ изъ ковчега голубя, который вернулся, и ворона, который не вернулся. Затѣмъ, когда земля обсохла, онъ принесъ богамъ благодарственную жертву. Бель, узнавъ о спасеніи Самась-Наппетима, сначала разгнѣвался, но потомъ онъ самъ даровалъ Самасу и его женѣ безсмертіе. Боги опредѣлили, что никогда болѣе потопъ не будетъ наведенъ на землю. Отъ Самась-Наппетима и его спутниковъ произошло послѣпотопное человѣчество. Въ Вавилонѣ (по Берозу) начинается рядъ послѣпотопныхъ династій. Первые цари, какъ и допотопные, характеризуются фантастическимъ долголѣтіемъ, но долгожизненность послѣдующихъ подходитъ къ обыкновенной человѣческой нормѣ. Нечестіе, видно, опять очень скоро прокрадывается въ человѣчество, и Нера, владыка чумы, поражаетъ за непочитаніе авторитета Ану, сыновъ Вавилона и другихъ городовъ. Къ этому періоду относится попытка героя Етаны, которому покровительствовалъ Шамась, подняться на солнце на орлѣ. Они поднялись до неба Ану, но такъ какъ орелъ стремился все выше, то дѣло кончилось тѣмъ, что они оба упали въ бездну. Счастливейше судьба дру-

гаго героя — Гильгама (ранѣе предположительно читали: Издубарь). Поэма о его подвигахъ содержитъ двѣнадцать эпизодовъ, какъ годъ двѣнадцать мѣсяцевъ. Гильгаму покровительствуетъ Шамасъ (можетъ быть его отецъ?) и онъ считается сыномъ богини Аруру (можетъ быть форма Бельтисъ). Еламитяне подчинили вавилонянъ. Городъ Истаръ-Урукъ осажденъ. Боги не могутъ оказать помощи, въ видѣ мухъ они летаютъ по дорогамъ. Тогда героемъ освободителемъ является Гильгамъ. Побѣждая еламитянъ, онъ въ тоже время покоряетъ сердца жительницъ Урука. „Онъ не оставляетъ дочери для матери, дѣвушки для воина, жены для супруга“. Жители молятъ Истаръ избавить ихъ отъ Гильгама, Истаръ обращается къ богинѣ Аруру. Та творитъ изъ глины волосатое чудовище Еабани, отчасти похожаго на быка и отчасти на человѣка и посылаетъ противъ Гильгама, но Еабани дружится съ Гильгамомъ. Въмѣстѣ они побѣждаютъ еламитскаго завоевателя царя Кумба. Тогда Истаръ влюбилась въ Гильгама. Могущественная Истаръ обратилась къ нему и сказала: „приди, Гильгамъ, будь моимъ супругомъ“. Гильгамъ рѣшительно отвергъ это предложеніе. Въ своемъ отвѣтѣ Гильгамъ напоминаетъ ей, какъ она поступала съ своими прежними возлюбленными: подобно нѣкоторымъ самкамъ пауковъ, она, насладившись съ ними, убивала ихъ. „Таммузъ, супругъ твоей юности, ты осудила его плакать изъ года въ годъ. Алала, могучій коршунъ, ты любила его, но потомъ ты поразила его и сломала его крылья. Онъ былъ въ лѣсу и кричалъ: о мои крылья. Ты любила нестраго льва... потомъ ты приказала разорвать его тѣло. Ты любила настуха Табуду и ты... обратила его въ леопарда“. Разгнѣванная Истаръ обращается съ просьбою къ Ану отомстить за нее. Ану создаетъ небснаго быка, который долженъ сокрушить Гильгама, но Еабани и Гильгамъ его убиваютъ. Рога убитаго быка были посвящены Шамасу. Истаръ поразила Гильгама проказой съ головы до ногъ. Въмѣстѣ съ Еабани,—тогда герой отправляется на край свѣта искать источниковъ юности и дерева жизни. Еабани посылаются гибельныя предзнаменования, не смотря на нихъ онъ отправляется съ Гильгамомъ. Въ битвѣ около Нирура Еабани получаетъ смертельную рану и умираетъ послѣ двѣнадцатидневной агоніи. Гильгамъ скорбитъ о потерян-

номъ другъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проникается рѣшимостью приобрести себѣ безсмертіе, чтобы не погибнуть, какъ онъ. Въ поискахъ за этимъ безсмертіемъ онъ отправляется въ далекія страны, онъ хочетъ найти своего предка Самасъ-Нанистима, которому боги даровали безсмертіе. Онъ приходитъ къ горамъ Машу, гдѣ страшные люди—скорпионы стерегутъ мертвую воду. Ужасъ охватываетъ Гильгама при ихъ видѣ. Мужъ-скорпионъ сказалъ женѣ: „тотъ, который пришелъ къ намъ, его тѣло отмѣчено богами“ (проказой). Жена-скорпионъ отвѣтила ему: „по своему духу онъ богъ, по своей смертной оболочкѣ человѣкъ“. Гильгамъ видитъ, что люди-скорпионы не желаютъ ему зла, онъ рассказываетъ имъ о своихъ приключеніяхъ и бѣдствіяхъ. Они говорятъ ему, что его ожидаютъ страшныя опасности, но однако соглашаются отпереть ему ворота, ведущія черезъ глубокій мракъ къ мертвымъ водамъ и къ блаженнымъ островамъ. Гильгамъ смѣло отправляется въ дорогу, послѣ долгаго странствованія во мракѣ, онъ приходитъ къ морю и видитъ роскошный садъ боговъ, о которомъ раньше ему рассказывали люди-скорпионы. Онъ молить Сабиту, царицу морей, позволить ему переправиться по морю. Та долго отказывается, наконецъ направляетъ его къ Арадъ-Еа, матросу Самасъ-Напистима. Тотъ везетъ Гильгама. Черезъ сорокъ дней онъ достигаетъ области мертвой воды, а затѣмъ и блаженныхъ острововъ, гдѣ живетъ Самасъ-Напистимъ, предокъ Гильгама. Самасъ-Напистимъ безсмертенъ онъ рассказалъ Гильгаму, какъ онъ получилъ безсмертіе (исторія потопа), но онъ не можетъ дать безсмертія Гильгаму. „Когда духи привѣтствуютъ человѣка при рожденіи, тогда гени земли, великіе боги, Машиту—устроительница жребія, все вмѣстѣ опредѣляютъ его участь, назначаютъ ему смерть и жизнь, но дни его смерти остаются ему неизвѣстными“. Но Самасъ-Напистимъ желаетъ избавить Гильгама отъ проказы, онъ погружаетъ Гильгама въ глубокій сонъ, продолжавшійся шесть дней и семь ночей. Онъ говоритъ съ своею женою о Гильгамѣ, даетъ Гильгаму волшебную пищу и затѣмъ, когда Гильгамъ пробуждается, отправляетъ его съ Арадъ-Еа къ очистительному источнику, откуда Гильгамъ возвращается къ Напистиму совершенно исцѣленный отъ проказы. Жена сказала Напистиму: „Гильгамъ пришелъ,

онъ утѣшенъ, онъ исцѣленъ, что дашь ты ему теперь, когда онъ возвращается въ свою страну?“ Самасъ-Напистимъ указаль ему растеніе подобное боярышнику по своему цвѣту, и иглы котораго кололи, какъ ехидна. „Если ты схватишь это растеніе не уколовшись, сорвешь вѣтвь и унесешь съ собою, оно сохранитъ тебѣ вѣчную юность“. Гильгамъ сорвалъ вѣтвь. На возвратномъ пути съ Арадъ-Еа онъ рисоваль радужныя картины, какъ онъ принесетъ вѣтвь въ Урукъ, выроститъ его, и его имя будетъ: старецъ дѣлается юнымъ черезъ него, и какъ питаясь имъ онъ—Гильгамъ—возвратить себѣ юность. Но онъ мечталъ такъ, забывъ о богахъ, завистливая душа которыхъ не терпитъ, чтобы люди участвовали въ ихъ жребіи. На первой остановкѣ, гдѣ онъ увидѣлъ горшки съ свѣжей водою и сталъ пить изъ нихъ, змѣй похитилъ у него растеніе. Глубоко скорбѣлъ Гильгамъ, но его скорбь была безрезультатною. Онъ возвратился въ Урукъ, здѣсь устроилъ похоронное торжество для Еабани. Онъ молилъ разныхъ боговъ объ избавленіи Еабани отъ смерти, и наконецъ богъ мертвыхъ Нергаль раскрываетъ гробъ, поднимаетъ землю и выводитъ духъ Еабани, который и является Гильгаму. Гильгамъ спрашиваетъ объ участи мертвыхъ. Оказывается, благополучіе умершаго стоитъ въ зависимости отъ заботъ о немъ живыхъ. Участъ убитаго воина торжественно погребеннаго послѣ сраженія изображается такъ. „Онъ распростертъ на ложѣ покоя, пьющій свѣтлую воду... Ты видѣлъ его? Я видѣлъ его. Его отецъ и мать поддерживаютъ ему голову и его жена склонилась надъ нимъ рыдая. Но тотъ, тѣло котораго осталось забытымъ на полѣ.—Ты видѣлъ его? Я видѣлъ его, его душа не имѣетъ покоя на землѣ. Тотъ, о душѣ котораго никто не заботится. Ты видѣлъ его? Я видѣлъ его. То, что на днѣ чаши, остатки обѣда, что выкидываютъ на улицу, вотъ что онъ имѣетъ пищею“. На этомъ разговорѣ оканчивается поэма о Гильгамѣ.

Подобно тому, какъ Гильгамъ потерялъ средство сохранять вѣчную молодость, другой ассиро-вавилонскій герой упустилъ случай стать безсмертнымъ. Это—Адапа: онъ сынъ Еа, однако не богъ (легенда о немъ найдена въ тель-ель амарнскихъ таблицахъ). Однажды, когда онъ ловилъ рыбу, на него налетѣлъ южный вѣтеръ Шугу (демонъ вѣтра) и

опрокинулъ его. Разгнѣванный Адапа сломалъ ему крылья. Южный вѣтеръ пересталъ дуть. Когда Ану узналъ объ этомъ, онъ потребовалъ, чтобы къ нему былъ приведенъ тотъ, кто сломалъ крылья Шуту. Еа далъ совѣтъ Адапѣ облечься въ траурное платье и въ такомъ видѣ явиться предъ Ану, при чемъ объяснять всѣмъ, что онъ носитъ трауръ, потому что съ земли исчезли два бога (Вслѣдствіе того, что пересталъ дуть южный вѣтеръ, растенія перестаютъ цвѣсти; боги Таммузь (Думмуци) и Гизцида уходятъ на небо). Далѣе Еа сказалъ: Ану предложить тебѣ пищу, не ѣшь, питье не пей. Это будутъ пища и питье смерти. Адапа строго послѣдовалъ совѣту отца. На небѣ онъ прежде всего увидѣлъ Таммуза и Гизциду и своимъ тратуромъ и рѣчами расположилъ ихъ къ себѣ. Затѣмъ онъ расположилъ къ себѣ и Ану. Ану представилась тогда такая димгема: всякій смертный, увидѣвшій внутренность неба, долженъ быть или жестоко наказанъ или приобщенъ къ безсмертнымъ. Безъ колебанія онъ рѣшается дать Адапѣ безсмертіе и предлагаетъ ему пищу и питье безсмертія. Помня заповѣдь Еа, Адапа отказывается отъ предложенныхъ пищи и питья и такимъ образомъ теряетъ случай стать безсмертнымъ.

Таковъ теогоническій, космогоническій и религіозно-историческій эпосъ Халден.

6.

Съ духами человѣкъ считался въ заговорѣ, тамъ, онъ и умолялъ и заклиналъ, но божества почитались въ определенномъ культѣ. Много храмовъ существовало въ Ассиріи и Вавилоніи. Строительное искусство стояло высоко въ области Тигра и Евфрата. Но въ Ассиріи главныя архитектурныя постройки, это—дворцы, а не храмы. Храмы гораздо меньше дворцовъ. Въ Вавилоніи дворецъ стоитъ какъ бы рядомъ съ храмомъ, но все таки храмъ не преимуществуетъ передъ дворцомъ. Въ ограниченныхъ размѣрахъ храмовъ нужно видѣть выраженіе не меньшей религіозности, но другой типъ религіозности. Храмъ назначался не для людей, а для божества, и если, съ одной стороны, какое помѣщеніе не можетъ вмѣстить бога, то съ другой, его статуя можетъ быть заключена въ очень небольшомъ зданіи. Если въ по-

стройку храма хотятъ вложить идею величія и неизмѣримости божества, тогда естественно стремятся воздвигать храмы, какъ можно грандіознѣе. Но въ формѣ ассиро-вавилонскихъ храмовъ просвѣчиваетъ другая мысль. Они символизировали вселенную. Раскопки въ Ассиро—Вавилоніи открыли рядъ зданій, которыя представляютъ этажныя башни. Они назывались циггурать (соотвѣтствуетъ еврейскому *bamoth*). Строились они такимъ образомъ: на призматическое основаніе ставилась призма съ меньшимъ основаніемъ, на эту призму призма еще съ меньшей площадью въ основаніи и т. д. Издали такая постройка могла казаться подобною конусу или пирамидѣ, но на самомъ дѣлѣ это была система призмъ (обыкновенно параллелепипедовъ), поставленныхъ одна на другую. Часто число этажей (призмъ) равнялось семи. Циггурать символизировали собою гору земли. Семиэтажность символизировала семь поднимающихся одна надъ другою частей, изъ которыхъ по халдейскимъ представленіямъ состояла земля. Комнаты различныхъ этажей соотвѣтствовали различнымъ частямъ вселенной, въ вавилонскомъ храмѣ Мардука были даже комнаты судьбы, символизировавшія то мѣсто на востокѣ, гдѣ нѣкогда Цу похитилъ жребіи боговъ. Было два главныхъ типа этажныхъ храмовъ: съ квадратнымъ основаніемъ, причемъ каждый послѣдующій этажъ (призма) воздвигался по срединѣ предыдущаго и съ прямоугольнымъ основаніемъ, въ такихъ входъ былъ съ одной изъ узкихъ сторонъ прямоугольника, а зданіе храма было воздвигаемо на противоположномъ узкомъ концѣ. Были еще храмы вторичнаго типа маленькіе, одно-этажные, представлявшіе иногда изъ себя всего лишь одну залу, въ нишѣ которой помѣщалась статуя бога. Описаніе вавилонскаго храма, соотвѣтствующее Циггурать далъ еще Геродотъ (1, 181—3), но теперешніи описанія суть опыты реставраціи на очень скудныхъ основаніяхъ, такъ какъ не откопано храмовъ, которые сохранились бы въ значительной части и не найдено описаній, которыя могли бы восполнить отсутствіе памятниковъ. О многихъ откопанныхъ развалинахъ съ достовѣрностью нельзя рѣшить—представляютъ ли они собою храмы или зданія какого-либо другого характера (такое впечатлѣніе выносится изъ книги Perrot et Chipiez—Hist. de l'art dans l'antiquité T. II, хотя сами авторы и настаиваютъ на

правдивости своихъ реставрацій). Передъ храмами (на томъ основаніи, представлявшимъ собою по русской терминологіи первый этажъ и имѣвшимъ обыкновенно у циггурать высоту не меньшую или даже большую, чѣмъ окружающія зданія) помѣщались алтари для жертвоприношеній. Они обыкновенно дѣлались изъ того же матеріала, какъ и храмы (изъ кирпича). Около алтаря помѣщались кувшинообразныя вазы для омовеній. Помѣщался еще бассейнъ называвшійся апсуморе, океанъ, и² смиволизировавшій по видимому довременное апсу изъ котораго вышли боги и міръ. Въ храмахъ была декоративная живопись (не всегда даже религіознаго содержания), колонны, статуи боговъ. Въ храмѣ помѣщалась лодка того бога, которому былъ посвященъ храмъ. Въ лодкѣ носили изображеніе бога во время праздниковъ. Какъ Циггурать носили наименованія отъ тѣхъ боговъ, которымъ были посвящены, такъ подобнымъ образомъ именовались и лодки. Лодка бога Синъ называлась лодкой свѣта.

Священнослужителей и священослужительницъ было очень много. Сами цари особенно въ Ассиріи разсматривались какъ намѣстники Божества, но если это съ одной стороны сообщало нѣкоторымъ образомъ теократическій строй странѣ то, съ другой, ослабляло могущество жрецовъ. Общее наименование жрецовъ было *шангу*—тотъ, кто правитъ жертвой, или тотъ, кто привязанъ къ Богу (Maspero, Jensen). Первое пониманіе значенія указываетъ на одну изъ обязанностей жрецовъ—приносить жертвы, но это не было ихъ единственною обязанностью. Были жрецы машмашу—чародѣи, Калю-обуздатели демоновъ, лагарю (синонимъ Калю) маккху—провидцы, сурру (значеніе слова неизвѣстно) шаплу—вопрошавшіе оракуловъ, мусхелю—вызыватели мертвыхъ, асхипу или исхипу заклинатели (ср. Второзак. XVШ, 10—11), рамку и визакку—совершители возліаній, мунамбу—плакальщицы, лаяларю—стенальщицы, наспилакки—носители топора (какого-либо бога? Раммана? въ контрактахъ упоминаются носители копья Мардука). Жрецы исполняли обязанности писцовъ—дупсару и судей—даіану. Безъ сомнѣнія были и еще классы жрецовъ, какъ съ другой стороны естественно предположить, что одинъ и тотъ же жрецъ могъ исполнять обязанности, исполнителей которыхъ называли различными именами. При храмахъ были пѣвцы, служители.

казначей, всегда былъ главный жрецъ—ишшакку. Во главѣ всѣхъ жрецовъ стоялъ шангамъ-макку верховный жрецъ. Жрецы должны были быть свободны отъ физическихъ недостатковъ. Они представляли собою наследственную касту. Высказываютъ догадку (Jastrow), что жрецы дѣлились можетъ быть на „смѣны“ или чреды. Ночь у вавилонянъ дѣлилась на три стражи, полагаютъ, что настолько же дѣлился и день, и что это астрономическое дѣленіе могло послужить основаніемъ и для дѣленія жрецовъ. Кромѣ жрецовъ въ Ассири-Вавилоніи былъ многочисленный классъ жриць. Уже Гудеа упоминаетъ о плакальщицахъ. Были женщины заклинательницы, пророчицы, музыкантши. Особенную роль играли жрицы храма Истаръ въ Ерехѣ и вѣроятно въ другихъ мѣстахъ, гдѣ были храмы этой богини. Жрицы Истаръ назывались Кадидишиту (святыя) или истаритумъ (посвященныя Истаръ), изъ различныхъ наименованій ихъ видно, что онѣ дѣлились на классы совершенно подобныя классамъ жрецовъ. Считаютъ возможнымъ, что при священныхъ церемоніяхъ допускались непристойные обряды, но не видно, чтобы непристойное служеніе было постояннымъ и дѣйствительнымъ культомъ богини. По Геродоту, вавилонскія женщины обязаны были разъ въ жизни принести въ жертву свое цѣломудріе богинѣ Афродитѣ (Милиттѣ, Истаръ) Онѣ являлись въ храмъ богини и тамъ отдавались приходившимъ туда иностранцамъ. Лишь только иностранецъ броситъ на колѣна женщину серебряную монету (все равнокакой цѣнности) и скажетъ: да сдѣлаетъ тебя Милитта счастливой, женщина обязана отдаться этому человѣку и затѣмъ она можетъ возвратитъ—къ себѣ. Она принесла достаточную жертву богинѣ. Понятно, что красивыя женщины имѣли возможность скоро возвратиться, но тѣмъ, которыя не обладали красотой, по словамъ Геродота, приходилось ждать цѣлые годы прежде, чѣмъ кто-либо давалъ имъ возможность удовлетворить богиню. (Герод. 1, 196). Слова Геродота стоятъ въ согласіи съ свидѣтельствами о чувственныхъ культахъ Азии, со многими чертами Истаръ, но однако образъ Истаръ и образъ даже какихъ бы то ни было богинь плодородія не исчерпывается обожествленіемъ половой производительности, и несомнѣнно вездѣ у жриць было болѣе высокое служеніе. Памятники однако показываютъ, что въ

началъ исторіи значеніе жриць стояло выше и что затѣмъ онѣ постепенно оттѣснялись на задній планъ жрецами.

Центральнымъ пунктомъ Ассиро-вавилонскаго культа, какъ обычно въ религіяхъ, была жертва. Два рода жертвъ существовало въ Ассиро-вавилоніи: животныя и растительныя. Въ списокѣ жертвенныхъ приношеній Гудеа перечисляетъ: быковъ, барановъ, козловъ, ягнятъ, рыбъ, птицъ (именно орловъ, журавлей и др.), также = финики, молоко, овощи. Изъ другихъ источниковъ видно, что еще приносились въ жертву серны, финиковое вино, коровье масло, сливки, медъ, чеснокъ, зерна, травы, масла (растительныя и животныя), пряные коренья, ладанъ. Жертва разсматривалась, какъ обѣдъ въ честь бога, которому она приносилась, въ этомъ обѣдѣ по смыслу жертвы должны принимать участіе совершающій приношеніе, совершающій жертву и божество. Нѣкоторыя несѣдобныя части сжигались въ честь бога, кровь закалаемыхъ животныхъ, разсматривавшаяся, какъ особенно принадлежащая богамъ, выливалась на алтарь. Приносимыя въ жертву животныя должны быть безъ недостатковъ. Свиныи, собаки въ жертву не приносились. Нѣкоторыя животныя въ Ассиро-вавилоніи разсматривались, какъ наиболѣе угодныя для принесенія въ жертву (угодно было богамъ и то, чтобы ихъ напередъ хорошо откармливали), наоборотъ, другія трактовались, какъ нечистыя. Слѣдовъ человѣческихъ жертвоприношеній въ Ассиріи и Вавилоніи не найдено. Побужденій для принесенія жертвъ представлялось безчисленное множество. Желаетъ ли кто спросить оракула, онъ приноситъ жертву (доставляетъ матеріаль для жертвы жрецамъ). Основываютъ ли храмъ, воздвигаютъ ли дворецъ, проводятъ каналъ, или предпринимаютъ иное общественное дѣло, предъ началомъ его непременно совершаютъ жертвоприношеніе. Съ приношеніемъ жертвенныхъ животныхъ соединялись возліянія масла, вина, меда. Возліянія совершали на двери домовъ, на оружіе, на камни. Ассирійскіе цари дѣлали возліянія надъ животными, которыхъ убивали на охотѣ. На одномъ древнемъ памятникѣ представлено, что возліяніе богинь—вѣроятно А или Малькату, солнечному божеству—дѣлаетъ совершенно нагой человѣкъ. Нѣкоторые хотятъ видѣть здѣсь отзвукъ древнѣйшаго обычая, по которому люди, являясь предъ божествомъ,

должны снимать съ себя все, каковой обычай смягченъ былъ потомъ повелѣніемъ снимать только обувь. Кромѣ жертвоприношеній по случаямъ, совершались опредѣленные жертвоприношенія въ установленные сроки. Такія жертвоприношенія назывались Саттуку и шну. Установленіе ихъ, видно, шло съ древнѣйшихъ временъ, потому что цари въ своихъ надписяхъ всегда говорятъ о нихъ, какъ о традиціонныхъ обычаяхъ, а не какъ о нововведеніяхъ. Въ большихъ храмахъ совершались каждый день утреннія и вечернія (при восходѣ луны) жертвоприношенія, но въ храмахъ небогатыхъ, полагаютъ, жертвоприношенія совершались только въ опредѣленные дни — различные для различныхъ храмовъ. Торжественныя жертвенныя церемоніи происходили, когда богамъ посвящали статуи. Объ одномъ случаѣ поставленія такой статуи повѣствуетъ книга пр. Даніила (III, 1—7). Въ честь боговъ ставились колонны, имъ посвящались различные предметы изъ золота, серебра, драгоценныхъ камней, дорогихъ строительныхъ матеріаловъ, предметы нужные для святилищъ, одежды для статуи боговъ. Эти одежды мѣнялись сообразно различнымъ празднествамъ. У жрецовъ также были установленныя и при различныхъ обстоятельствахъ мѣнявшіяся одежды. Посвящали богамъ оружіе, военную добычу. На таблицахъ, или кружкахъ изъ лаписъ—лазури, агата, бирюзы, золота, серебра, мѣди сурьмы писались посвященія. „Еа, своему владыкѣ Белзиръ, сынъ Еабака, да сохранить его жизнь сдѣлать это и представить“. „(Белу, своему владыкѣ) Нази-Муратташъ, сынъ Куригальду, да услышитъ онъ его прошенія, да будетъ благопріятель къ его мольбамъ, да будетъ принимать его призывы, да продлитъ его дни, сдѣлать это и представить“. Часто находятъ глиняные конусы, представляющіе собою предметы посвященные богамъ. Таковы конусы Гудеи съ посвятительными надписями, обращенными къ Нингиреу. Склонялись къ тому, чтобы видѣть въ этихъ конусахъ фаллическій символъ, но многіе (наприм. Iastrow) рѣшительно оспариваютъ это. Характеръ острыхъ конусовъ указываетъ на то, что они втыкались или въ землю или въ стѣны. Найдена масса мѣдныхъ статуетокъ, которыя снабжены подобными же остриями или соединены съ конусами, имѣющими такое. Очевидно эти статуетки прикрѣплялись къ какому-либо мѣсту. Одни

думаютъ, что онѣ представляли собою охрану отъ демоновъ, другіе, что онѣ по свящались богамъ. Представляется безспорнымъ, что они служили и той и другой цѣли. Употреблялись для тѣхъ же цѣлей и глиняныя статуетки боговъ и богинь. Конусы и статуетки имѣлись не только въ храмахъ, но и въ домахъ. Посвященіе богамъ богатыхъ приношеній царей совершались съ большою торжественностью. Ассирійскіе цари и плѣнныхъ боговъ приносили въ даръ своимъ богамъ. Начатки плодовъ также посвящались божествамъ. Доходы храмовъ и жрецовъ въ Ассири-Вавилоніи вообще слагались изъ обязательныхъ и добровольныхъ приношеній. Шли отъ угоднѣ подаренныхъ храмамъ. Получались отъ продажи священныхъ предметовъ (идольскихъ статуетокъ и т. п.), выдѣлававшихся при храмахъ.

Частные случаи подавали поводъ къ празднествамъ, усиленнымъ моленіямъ, обильнымъ жертвамъ, но кромѣ этого съ древнѣйшихъ временъ, у ассирянъ и вавилонянъ былъ выработанъ опредѣленный богослужебный ритуаль. Видно, что у нихъ нѣкоторые дни имѣли особенное значеніе (7-ой несчастный —, 14, 19, 21, 28); каждый мѣсяць у нихъ былъ посвященъ особому богу и были особые дни для чествованія боговъ или для богослужебнаго празднованія великихъ событій. Богослужебные календари ассирянъ и вавилонянъ, будучи сходными въ общемъ и существенномъ, имѣли однако мѣстный характеръ. Праздники назывались *изинну* и еще *ташиту* (радость, наслажденіе). Важнѣйшимъ праздникомъ съ глубокой древности былъ повидимому Цакмуку или акиту—день новаго года. О немъ говорится въ надписяхъ Гудеи. Въ то время онъ соединялся съ чествованіемъ Нингирсу, богини плодородія Бау, Ниниба. Праздновалась побѣда весенняго солнца надъ убивающимъ холодомъ зимы. Съ возвышеніемъ Вавилона праздникъ Цакмуку сталъ праздникомъ Мардука, хотя Мардуку собственно былъ посвященъ восьмой мѣсяць (арахамна — сентябрь — октябрь), а не Нисанъ, въ который праздновался Цакмуку. Замѣчательною особенностью этого праздника было то, что на него въ Вавилонъ сносились статуи боговъ изъ различныхъ мѣстъ. Въ восьмой и одиннадцатый день праздника изображенія боговъ приносили въ комнаты жребіевъ мардукова храма. Тамъ совершалось символическое представленіе собранія

боговъ въ Абшу-Кенна (на востокѣ) Мардукъ возсѣдалъ на своемъ тронѣ, а боги стояли, почтительно склонившись передъ нимъ, ожидая когда онъ опредѣлитъ судьбу людей на наступающій годъ. Въ числѣ боговъ прибывавшихъ на праздникъ Мардука въ Вавилонъ всегда являлся сынъ Мардука-Небо. Но въ эпоху политическихъ неурядицъ и войнъ случалось, что праздникъ Цакмуку совсѣмъ не праздновался. Это обозначалось слѣдующей формулой: „Небо не приходилъ въ Вавилонъ, Мардукъ не выходитъ“ (т. е. не былъ выносимъ на лодкѣ въ торжественной процесси). Громадною популярностью пользовался праздникъ Таммуза (четвертый мѣсяць—Таммузь—Июнь—Июль). Праздновалось освобожденіе Таммуза изъ области мертвыхъ. Празднованіе распадалось на два момента противоположнаго характера: скорбный по случаю гибели Таммуза, жрицы Истаръ участвовали въ немъ въ качествѣ плакальщицъ (см. Іезек. VIII, 14, Захар. XII, 10—11), и радостный по случаю возвращенія Таммуза. Клинообразные тексты сообщаютъ о существованіи еще цѣлаго ряда торжественныхъ праздниковъ. Такъ въ двѣнадцатый день мѣсяца Іара (апрѣль—май) совершались торжественныя празднества въ Ассиріи въ честь богини исцѣленій Гулы. Во весь этотъ мѣсяць совершались религіозныя путешествія въ Вавилонію. Въ Калахъ ежегодно устраивались торжественные праздники въ честь Ниниба въ Элуль (Августъ — Сентябрь) и Шабатъ (Январь — Февраль) 25-ый день Сивана (май—июнь) былъ посвященъ со времени Асурбанипала вавилонской Белить. Въ Сиппарѣ Набубалидннъ въ девятомъ столѣтіи пожертвовалъ въ храмъ Шамаса богатая одежда для ношенія въ шесть дней года: 7-ое Нисана, 10-ое Іара, 3-ье Элула, 7-ое Тисри (сентябрь—октябрь), 15-ое Аракшамна и 15-ое Адара (февраль — мартъ). Полагаютъ, что это были тамъ дни праздниковъ въ честь Шамаса, и что въ эти дни въ пожертвованныхъ одеждахъ статуи Шамаса и другихъ божествъ носили въ процессіяхъ въ лодкахъ. Все это были празднества солнечнаго характера. О празднованіяхъ въ честь луны извѣстно очень мало. Мѣсяцы въ вавилонскомъ календарѣ посвящались божествамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Нисанъ—Ану и Белу, 2) Іаръ—Еа, господину человечества, 3) Сиванъ—Синъ, 4) Таммузь—Нинибу, 5) Абъ-Нинъ—Гицидъ, 6) Элуль-Истаръ 7) Тисри-

Шамасу, 8) Аракшамна - Мардуку, 9) Кислевъ — Нергаль, 10) Тебетъ-Папсукаль (вѣроятно эпитетъ Небо) 11) Шабать-Рамману, 12) Адаръ управлялся семью злыми духами. Несомнѣнно подъ ассирійскимъ вліяніемъ (вставлявшійся отъ времени до времени для уравниенія луннаго года съ солнечнымъ) Веадаръ былъ посвященъ Асуру. Вставлявшійся иногда вмѣсто Веадара второй Элуль былъ посвященъ, какъ и Нисанъ, Ану и Белу. Въ Ассиріи мѣсяцемъ Асура былъ собственно Элуль, а Истаръ представляли мѣсяць Абъ. Нѣкоторые (Menant, Iastrow) изслѣдователи настаиваютъ на томъ, что кромѣ почитанія божествъ и духовъ у вавилонянъ существовало почитаніе священныхъ деревьевъ. На вавилонскихъ цилиндрахъ часто встрѣчаются изображенія тычины или условныя изображенія дерева, около иныхъ нарисованы лица въ позахъ выражающихъ поклоненіе божеству. Полагаютъ, что это остатокъ существовавшего въ глубокой древности культа деревьевъ, аналогичнаго поклоненію ашерамъ въ Финикіи. Говорятъ, что въ народѣ до позднѣйшаго времени сохранился этотъ культъ и что эти рисунки служатъ выраженіемъ народныхъ вѣрованій. Но, вѣдь, несомнѣнно, что рисовалъ ихъ не народъ, и если въ ту эпоху, когда ихъ рисовали, почитаніе деревьевъ существовало только въ низшихъ классахъ, то тогда эти рисунки должны выражать собою какую-ту иную мысль и какія то иныя представленія, чѣмъ просто фактъ дендролатріи. Какія эти мысли и какія представленія, мы не знаемъ.

Культъ всегда состоитъ изъ жертвы и молитвы. Жертва выражаетъ въ дѣйствіяхъ то, что молитва выражаетъ въ словахъ. Отъ ассиро-вавилонянъ сохранилось много гимновъ, въ которыхъ восхваляются боги (нѣкоторые, наприм., гимнъ Синъ нами приведены), просительныхъ молитвъ и покаянныхъ псалмовъ. Вотъ образцы молитвъ: „Нинъ карракъ (синпарская Гула) возвышенная богиня, призри съ милостью на дѣло моихъ рукъ. Милосердіе съ твоихъ устъ, да снизойдетъ съ твоихъ устъ; долгую жизнь, могущество, здоровье и радость испрошли мнѣ, какъ даръ“. „Дальніе дни, долгіе годы, могучее оружіе, долгую жизнь, многіе дни славы, господство надъ царями даруй владыкѣ царю, который принесъ этотъ даръ своимъ богамъ. Даруй его царству жителей въ великомъ безчисленномъ множествѣ! Да принадлежить

ему владычество надъ царями, господство надъ народами, пусть достигнетъ онъ великой старости“. Вотъ гимнъ Шамасу. „Ты далъ праведный законъ челоуѣчеству, вѣчно справедливъ ты на небѣ. Вѣренъ твой судъ о всемъ, что въ мѣрѣ. Ты знаешь, что право и что неправо. Шамасъ! ты утвердилъ правду на ихъ (?) выяхъ. Что несправедливо — то ты уничтожилъ (?) Шамасъ сотрудникъ Ану и Бела — ты; Шамасъ! высшій владыка неба и земли—ты“. Въ покаянныхъ псалмахъ содержится раскаянiе въ совершенныхъ грѣхахъ и мольба объ ихъ прощенiи. „Грѣхи, которые совершилъ я, прости. Несправедливости, которыя я творилъ, пусть развѣтъ вѣтеръ. Разорви мои многочисленныя, прегрѣшенiя, какъ одежду. О мой богъ! мои грѣхи въ семью семь временъ (содѣянные) прости мнѣ. Моя богиня! мои грѣхи въ семью семь временъ (содѣянные) прости мнѣ. Вѣдомый или невѣдомый богъ! мои грѣхи въ семью семь временъ (содѣянные), прости мнѣ мои грѣхи. Вѣдомая или невѣдомая богиня! мои грѣхи въ семью семь временъ (содѣянные) прости мнѣ мои грѣхи. Прости мнѣ мои грѣхи, и я смиренно преклонюсь предъ тобою. Да будетъ сердце твое милостиво (довольно), какъ сердце матери, которая родила дитя. Да будетъ сердце твое милостиво, какъ сердце матери, которая родила дитя, какъ сердце отца, у котораго родился ребенокъ“. „Кто не страшится бога своего, тотъ срѣзывается какъ тростникъ. Кто не почитаетъ Истаръ, тотъ изнемогаетъ тѣлесно. Какъ звѣзда ночи (при разсвѣтѣ) теряетъ онъ свой блескъ. Онъ исчезаетъ, какъ влага ночи. О. Бель! много моихъ прегрѣшенiй, велики грѣхи мои. Бель въ гнѣвѣ своего сердца покрылъ меня позоромъ. Богъ въ строгости своего сердца осилилъ меня. Истаръ сошла на меня, послала мнѣ тяжкое горе. Я упалъ на землю, никто не поддержалъ меня за руку. Я громко закричалъ, никто не услышалъ меня“. Подобно флейтѣ, подобно голубю, подобно стонущему тростику, подобно лани“ призываетъ бога молящiйся. Онъ питается плачемъ: слезы подобныя дождевымъ облакамъ служатъ ему питьемъ. Долго ли еще будетъ гнѣваться богъ? Когда онъ скажетъ наконецъ: да успокоится твое сердце?“ Вотъ начало гимна къ Истаръ Асурназирбала. „Производительница, царица неба славная владычица. Ты, которая жительствоуешь въ Е-бавбарѣ, которая распространила мою славу. Ца-

рица боговъ, которой передана власть надъ великими богами Владычица Ниневіи... Дочь Сина, сестра-близнецъ Шамаса, правящая всѣми царствами. Та, которая издаетъ опредѣленія, богиня вселенной. Владычица неба и земли, которая принимаетъ молитвы, слышитъ прошенія, принимаетъ мольбы. Милосердая богиня, любящая справедливость!" Покаянныя молитвы и гимны перѣдко приближаются къ заклинательнымъ формуламъ, но совершенно несправедливо смотреть на дѣло тѣ, которые склонны во всѣхъ дошедшихъ до насъ молитвенныхъ текстахъ видѣть заклинательныя формулы. Заклинательныя формулы всегда передаются по традиціи, происхожденіе ихъ бываетъ или покрыто мракомъ, или объясняется какимъ либо сверхъестественнымъ откровеніемъ, тогда какъ время и обстоятельства происхожденія многихъ гимновъ указываются точно. Между тѣмъ никто самоизмышленнымъ молитвамъ не придаетъ магической силы, составители молитвъ всѣ свои надежды возлагаютъ на ихъ нравственное содержаніе. Конечно въ послѣдствіи такія молитвы могли пріобрѣтать значеніе заговора. Можетъ быть молитвы въ которыхъ обращаются къ богу или богинѣ—вѣдомымъ или невѣдомымъ, представляютъ приближеніе къ заговору. Въ этихъ молитвахъ слышится незнаніе того, откуда пришла бѣда и гдѣ отъ нея искать помощи. Въ этомъ слышится какъ бы беспомощность, но съ другой стороны, въ молитвѣ слышится надежда, что ея форма, хотя молящійся и не знаетъ, къ кому съ нею обращается, должна привлечь милость того, кто нуженъ молящемуся. Подъ одною молитвою имѣется надпись: „таблица для всякаго бога“. Если здѣсь хотятъ видѣть развитіе вѣрованій въ магію и заклинанія, то съ другой стороны здѣсь видно сознаніе, что требованія по отношенію къ человѣчеству у всѣхъ боговъ одни и тѣ-же—раскаяніе во грѣхахъ и усердное богопочтеніе.

7.

Должно исполнять обязанности къ богу и ближнему. Должно почитать боговъ, обращаться къ нимъ съ молитвами, приносить жертвы, давать и исполнять обѣты. Требованія культа должны быть исполняемы съ точностью, нельзя воздѣвать къ небу нечистыя руки и нельзя приносить на алтарь большое животное. Нельзя неправильно удерживать плѣн-

ника, обманывать, нарушать семейное согласіе, нельзя истреблять тварей съ злыми цѣлями. Не должно говорить доброе и питать злобу. Тотъ, кто нарушаетъ эти вѣчныя нормы правды, подпадаетъ гнѣву боговъ и терпитъ бѣдствія. Часто самъ нарушившій нормы и совершившій грѣхъ могъ и не замѣтить этого, но онъ немедленно подпадалъ божественной карѣ. „О мой богъ! мои грѣхи безъ числа, велики мои злодѣянія. О моя богиня... Я совершалъ преступленія и я не знаю ихъ, я совершилъ грѣхъ и я не знаю его. Я пытался преступленіями и я не знаю ихъ. Я не исполнялъ обязанностей и я не зналъ этого. Господь въ гнѣвѣ своего сердца поразилъ меня“..... „Владыка! не отвергни раба твоего и если онъ низринулся въ стремительныя бездны, протяни ему руку свою; грѣхи которые онъ совершилъ, имѣй къ нимъ состраданіе, злодѣянія, которыя онъ сдѣлалъ, развеи ихъ вѣтромъ, и мои многочисленныя преступленія, разорви ихъ, какъ одежду“. Эти грустныя покаянныя мольбы просятъ однако не о вѣчномъ спасеніи, а о временномъ благополучіи. Пока вавилонянь или ассиріянинъ былъ живъ, онъ думалъ о земныхъ радостяхъ, а не о небесномъ блаженствѣ. По его этикѣ благополучія на землѣ заслуживалъ только религиозный и нравственный человѣкъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ассиро-вавилонской религіи рѣшительно утверждалось, что земная смерть не есть конецъ всего, что есть загробная область, существуетъ царство мертвыхъ. Выше было приведено сообщеніе о явленіи Гильгаму Кабани, который говорилъ, что особенно печальна за гробомъ участь непогребенныхъ. Какъ же заботились о погребеніи своихъ покойниковъ ассиро-вавилоняне? Скульпторы Ниневіи и Вавилона не изображали погребальныхъ церемоній на барельефахъ дворцовъ. Въ развалинахъ Ниневіи и Ассирии не нашли никакихъ гробовъ. Исслѣдователи Корсабада и Куянджика не нашли никакого слѣда ниневійскихъ усыпальницъ. Возникаетъ вопросъ, что дѣлали съ умершими ассиріяне и дѣлали ли они съ ними что-нибудь? Замѣтимъ, что вѣра въ существованіе загробной жизни прежде всего выражается въ погребеніи мертвецовъ. Полагаютъ, что ассиріяне отправляли своихъ мертвецовъ въ Халдею. Бассейнъ южной Халдеи покрытъ гробами. Каждый холмъ отъ Нифера и Мугейра до сліянія Тигра и Евфрата представляетъ собою кладбище, гдѣ по-

гребались и накоплялись трупы въ теченіе вѣковъ. Высказываютъ предположеніе, что ниневитяне и вавилоняне рассматривали бассейнъ Халдеи, какъ священную землю, землю ихъ предковъ, ихъ прародину, и что по этому вслѣдствіе религіознаго и сыновняго почтенія они переносили останки дорогихъ и любимыхъ мертвецовъ къ предкамъ ихъ расы. Ассиріяне, жившіе по верховьямъ Тигра, помѣщали въ лодки останки любезныхъ имъ покойниковъ и, довѣривъ ихъ волнамъ рѣки, съ плачемъ сопровождали до мѣста ихъ послѣдняго успокоенія. Этотъ обычай объясняетъ и отсутствіе гробовъ въ Ассиріи и поразительное собраніе усыпальницъ въ Халдеѣ. „Трудно, говоритъ Лофтусъ, дать точное понятіе о видѣ некрополя Варка, такъ многочисленны тамъ ложа смерти, тѣсняція одно другое. Зритель не вѣрнѣе глазамъ. Вѣроятно въ мірѣ нѣтъ другого мѣста, которое въ этомъ отношеніи можно бы было сравнить съ Варка. Въ теченіи многихъ вѣковъ Варка была ассиро-вавилонскимъ *sacro santo*“. Самый обрядъ погребенія совершался въ Халдеѣ довольно скоро. Покойника убирала профессиональные плакальщицы, подкрашивали его, подрисовывали глаза, одѣвали по праздничному, возлагали украшенія. Въ тоже время посредствомъ жертвъ (воды, ладана, пироговъ) на маленькомъ алтарѣ около покойника отгоняли злыхъ духовъ и молили о благоволеніи добрыхъ. Гробы дѣлались тѣсные и узкіе. Это были или большіе глиняные горшки, въ которыхъ трупъ помѣщался въ положеніи присѣвшаго на корточкахъ, или два соединенные глиняные цилиндра, или построенный изъ кирпича гробъ имѣлъ фигуру дома. Часто трупы сжигали. Иногда сжиганіе сводилось только къ обугливанію, а иногда отъ покойника оставалась кучка пепла. Такіе гробы находятъ въ Вавилоніи, но вообще число гробовъ встрѣчающихся здѣсь чрезвычайно мало, что и думаютъ объяснить тѣмъ, что покойниковъ справляли по рѣкѣ на югъ (эту гипотезу развилъ Лофтусъ; ее принимаютъ Ленорманъ, Мейеръ и для позднѣйшихъ эпохъ Гоммель). Царей въ Вавилонѣ хоронили въ старыхъ дворцахъ, которые уже не служили жилищемъ для живыхъ. Съ покойниками клали различные предметы: одежду, пищу, драгоценности, копыя, сосуды. То, что оставалось неумершаго въ умершемъ, его душа—называлась *екимму*. Покойники могли охранять своихъ

живыхъ потомковъ отъ злыхъ вліяній, но если покойники подвергались забвенію со стороны своихъ родственниковъ, то они являлись страшными мстителями. Души, принадлежація непогребеннымъ тѣламъ, блуждаютъ по землѣ, по городамъ и по деревнямъ, проникаютъ ночью въ дома, внушаютъ ужасные сны, всячески вредятъ живымъ. Только магія можетъ защитить человѣка отъ этихъ озлобленныхъ душъ.

Но хотя жилищемъ умершихъ называется гробъ, хотя они представляются блуждающими по землѣ, но у нихъ есть особая область, особое царство тѣней—мѣсто ихъ истиннаго пребыванія—Аралу, страна, куда не проникаетъ свѣтъ и откуда никто не возвращается. Определенія эти не вполне точны. Предлагаемыя въ клинообразныхъ текстахъ описанія Аралу возможны лишь подъ условіемъ, что туда проникаетъ свѣтъ, а нѣкоторыя повѣствованія показываютъ, что оттуда возможно и возвращеніе. Въ Аралу въ концѣ концовъ отправлялись или были отправляемы души умершихъ. Свободное странствованіе на землѣ было ихъ удѣломъ только въ первое время послѣ смерти. Область Аралу предполагали находящейся на крайнемъ сѣверѣ, крайнемъ востокѣ, или подъ землею корою. Ее представляли себѣ подъ видомъ громадной крѣпости, окруженной—когда ее предполагали подъ землею—водами океана, которая скрываютъ основанія земли. Какъ адъ Данта, подземная крѣпость ассиро-халдеевъ окружена семью стѣнами по образцу семи планетныхъ сферъ. Владыками Аралу или ада являются Нергаль и Алату. Алату владычествовала надъ адомъ всегда, но Нергаль, по повѣствованію тель эль—амарнскихъ таблицъ, сдѣлался владыкою ада слѣдующимъ образомъ. Боги выбрали Нергалья своимъ предводителемъ. Сопровождаемый четырнадцатью товарищами имена которыхъ: лихорадка, огненное сердце, посылатель молній, Нергаль прибываетъ къ воротамъ подземнаго міра и требуетъ, чтобы онъ былъ впущенъ. Наштартъ-демонъ чумы возвѣщаетъ Алату о прибытіи Нергалья. Алату принимаетъ Нергалья. При описаніи его вступленія въ адъ говорится о четырнадцати (дважды семь) воротахъ ада. Алату говоритъ Нергалю: „ты долженъ быть моимъ супругомъ и я твоею женою, таблицы мудрости я положу въ твои руки, ты будешь господиномъ, а я—госпожей“. Бракъ заключается. Впослѣдствіи въ подземномъ мірѣ

оказываются еще новыя божества: Таммузь, Енмешара (божество растительности), Нингидца (солнечное божество) Гирра, Белли (сестра Таммуза), Иркалла (Иереміась считает ее другимъ именемъ Алату). Въ историческомъ процессѣ развитія представленій о высшемъ мірѣ боговъ немногіе образы отбѣснили на задній планъ прочихъ. Какъ Мардукъ въ Вавилонѣ, Асуръ въ Ассиріи, такъ Нергаль и Алату неизмѣримо возвысились надъ прочими божествами, которыя стали являться около нихъ, какъ исполнители ихъ велѣній и начертаній. Ассиро-вавилонскій эпосъ владѣть мнѣомъ о нисхожденіи Истаръ въ адъ для освобожденія „возлюбленнаго своей юности“, Таммуза. Воспоминанію этого миза былъ посвященъ праздникъ Таммуза. Истаръ прибываетъ къ воротамъ ада и требуетъ отъ привратника, чтобы онъ отперъ ей. Тотъ сначала отказывается, но страшныя угрозы Истаръ произвести великія бѣдствія въ мірѣ заставляютъ его открыть ей входъ. Истаръ входитъ въ адъ согласно обычаямъ древнихъ. Нагимъ челоуѣкъ является въ мірѣ и нагимъ долженъ выйти изъ него. Передъ каждою дверью Истаръ постепенно снимаетъ съ себя корону, украшенія, платье и, пройдя седьмую дверь, совершенно обнаженная является предъ Алату. Богиня ада приходитъ въ страшное смущеніе. Истаръ хотѣла отнять у Алату Таммуза, но вмѣсто этого ей самой пришлось испытать адскія мученія. Но пока Истаръ мучится въ аду, земля тоже облачается трауромъ смерти: съ богиней любви съ земли исчезла любовь, бракъ: быкъ не обращается къ коровѣ, осель къ ослицѣ, хозяинъ къ рабынѣ. И родъ животныхъ и родъ челоуѣчскій долженъ бы былъ прекратиться. Великіе боги потребовали возвращенія Истаръ, но Истаръ соглашалась возвратиться лишь подъ условіемъ воскресенія Таммуза. Боги соединились у Алату, оросили Таммуза живою водою, заставили пить, и онъ ожилъ. Въ пѣсняхъ на праздникъ Таммуза пѣшешъ увѣщанія ко всѣмъ тѣмъ, которые оплакиваютъ своихъ покойниковъ, чтобы они твердо хранили память Таммуза, исполняли обряды, положенныя въ честь его, праздновали установленныя ему празднества. Въ день Таммуза совершались жертвоприношенія за умершихъ, пѣлись и игрались скорбныя пѣсни объ умершихъ. Значитъ, предполагалось, что эти священнодѣйствія могутъ облегчить участь усопшихъ.

Въ другихъ религіозныхъ текстахъ находятся указанія, что праведные не вѣчно ведутъ жизнь скорбей и лишений въ Аралѣ. Мы встрѣчаемъ рѣчи о блаженныхъ, пьющихъ священное питье на своихъ ложахъ (по всей вѣроятности, это—вода жизни или живая вода, о которой говорятъ другіе тексты и книги мандаитовъ): они обитаютъ въ жилищѣ счастья и жизни. Блаженную жизнь вели на горѣ серебра и, судя по поэмѣ о Самасъ Написимѣ, словамъ Еабани къ Гильгаму и другимъ даннымъ, эта жизнь была по своему характеру совершенно подобна земной. Загробное счастье имѣло совершенно видъ земнаго благополучія. Вотъ, какъ изображается судьба праведника въ двухъ отрывкахъ религіознаго гимна. „Омой свои руки, очисти свои руки. Боги, твои старшіе, омоютъ твои руки, очистятъ тебѣ руки, вкушай чистую воду изъ чистыхъ бассейновъ, пей чистую воду изъ чистыхъ сосудовъ, приготовляйся насладиться миромъ праведника... Анатъ, великая супруга Ану, Еа держалъ тебя въ своихъ священныхъ рукахъ. Еа перенесъ тебя въ мѣсто святости, перенесъ тебя своими священными руками Онъ, перенесъ тебя туда, гдѣ медь и жиръ. Онъ лилъ въ твой ротъ магическую воду, и сила воды открыла твои уста“.

Эти эсхатологическія представленія заключаютъ въ себѣ не мало противорѣчивыхъ и невыясненныхъ элементовъ. Немало противорѣчій, какъ было показано выше, заключается и въ космологическихъ и богословскихъ представленіяхъ халдеевъ и ассиріянъ. Эти противорѣчія зависятъ не отъ того, что въ предлагаемомъ очеркѣ излагаются совмѣстно вѣрованія ряда эпохъ, и дается общая характеристика мѣстныхъ культовъ. Противорѣчивые элементы часто можно найти въ одномъ и томъ же гимнѣ и тѣмъ болѣе въ различныхъ религіозныхъ надписяхъ, принадлежащихъ одному лицу и приуроченныхъ къ одному мѣсту. Воображеніе, развивающее краткіе религіозные тезисы и повѣствованія въ сложныя и фантастическія картины, никогда не останавливается предъ тѣмъ, что образы, созданные имъ вчера, не совмѣстимы съ тѣми, которые оно рисуетъ сегодня. Вотъ, почему представляется несомнѣннымъ, что и новыя открытія и новые тексты, которые будутъ находить и прочитывать, не примирятъ найденныхъ противорѣчій, но несомнѣнно они устраняютъ многія неясности и дадутъ возможность воз-

создать и въковѣчно устойчивыя и зыбучіе и постоянно мѣнявшіеся элементы ассиро-вавилонской религіи, они дадутъ болѣе или менѣе полную картину той религіозной дѣйствительности, современное возстановленіе которой производится лишь на основаніи немногихъ клочковъ найденныхъ и разобранныхъ учеными доселѣ. Насколько далеко пойдетъ дѣло возстановленія, насколько удастся наукѣ въ будущемъ узнать прошедшее, объ этомъ и бесполезно и невозможно гадать теперь. Но вотъ, что представляется несомнѣннымъ. Сквозь всю сѣть противорѣчій и пестроту образовъ, которые представляетъ религія ассирианъ и вавилонянъ, уже при свѣтѣ современнаго историческаго и психологическаго знанія выступаютъ нѣкоторые твердые и незыблемые устои и основы. Изъ подъ всѣхъ мифологическихъ образовъ и фантастическихъ наслоеній выдвигаются нѣкоторые принципы, примѣненіе къ жизни которыхъ было противорѣчиво, но которые въ своей сущности были непоколебимы. Это тѣ принципы и тѣ устои, которые лежали въ основѣ вѣрованій и представленій и другихъ народовъ древняго востока, проходившихъ свое историческое поприще одновременно съ народами Месопотаміи. Вотъ почему представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ говорить объ этихъ религіозныхъ началахъ послѣ обозрѣнія всѣхъ тѣхъ совместно существовавшихъ религіи, въ основѣ которыхъ онѣ лежали.

С. Глаголевъ.